

ПРАВО И РЕЛИГИЯ

Процессы секуляризации и клерикализации в современном мире: поиски конституционного баланса

Ирина Алебастрова*

Главный тезис статьи: принцип светского государства, несмотря на его огромный гуманистический потенциал, действует лишь как тенденция, не будучи воплощённым ни в реальности, ни в законодательстве в его буквальном понимании. Более того, в современном мире в качестве контртенденции секуляризации наблюдаются процессы некоторого усиления роли религии в жизни социума и клерикализации государств. Обосновывая своё утверждение, автор доказывает, что большинство государств мира имеют элементы клерикализма, то есть предоставляют в различной степени и в различных сочетаниях религиям и религиозным объединениям идеологические, материальные, культурные, политические, административные, юридические преференции. Исследуя эти преференции и их динамику, автор приходит к выводу о том, что их количество и комбинации определяют степень клерикализма различных современных государств. Анализируя причины наличия элементов клерикализма и даже их усиления в современных государствах и их конституциях, автор выделяет в качестве важнейших из них стремление политической элиты к ослаблению напряжённости между религиозными общностями, если использования механизмов принципа светского государства для этого оказывается недостаточно; к поддержке и упрочению нравственных устоев общества; к укреплению национально-государственного единства и культурной идентичности; к усилению легитимности государственной власти; к утверждению атмосферы социального оптимизма как результата действия компенсаторной функции религии. Исследуются масштабы и процессы клерикализации и секуляризации государств в постиндустриальном мире, даётся оценка их роли и перспектив.

→ *Светское государство; клерикальное государство; секуляризация и клерикализация современных государств; конституционализм; конституционное государство; свобода совести; свобода вероисповедания*

DOI: 10.21128/1812-7126-2016-5-117-136

1. Значение и конституционно-правовое оформление принципа светского государства

Роль религии как социального феномена невозможно оценить однозначно. Религиозность может быть фактором укрепления духовности и проявления жестокости, стимулировать сплочение и интеграцию единоверцев и разобщение представителей различных конфессий. Усилить позитивный потенциал значимости религии в обществе и смягчить её негативные аспекты исторически был при-

зван принцип светского государства, осуществивший «приватизацию» религии¹: в соответствии с данным принципом, с одной стороны, религия и свобода совести не могут быть запрещены, а с другой — религия не должна быть элементом политического курса государства, оставаясь вопросом свободного личного выбора каждого индивида. Однако данный принцип, преисполненный огромного гуманистического потенциала, в истории и современности утверждался и утверждается не просто. Почему при всей своей полноте он до настоящего времени не реализован, каковы

* *Алебастрова Ирина Анатольевна* — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права НИУ «Высшая школа экономики» (e-mail: Ialebastrova@mail.ru).

¹ См.: *Сюкияйнен Л. П.* Современные религиозные концепции прав человека: сопоставление теологического и юридического подходов // *Право.* 2012. № 3. С. 7–28, 8.

позитивные и негативные аспекты и масштабы взаимного влияния религиозных организаций и государств в различных странах, каковы перспективы клерикализации и секуляризации современных государств? Попытка поиска ответов на данные вопросы предпринята в настоящей статье.

Секуляризация как тенденция развития мирового конституционализма возникла уже на этапе его становления. Главными причинами её востребованности были образование поликонфессиональных государств и развитие атеистического мировоззрения, имевшие место, в свою очередь, под воздействием комплекса причин в их различных сочетаниях (военные захваты одних государств другими, объединение разных народов в тех или иных целях, географическая миграция населения, распространение новых религий, стремление монархов освободиться от власти церковных иерархов, развитие науки и т. д.).

Важнейшим аспектом секуляризации стало утверждение принципа светского государства. Цель провозглашения светского характера государства заключалась в установлении «уз солидарности», консенсуса представителей различных мировоззрений и убеждений² с тем, чтобы, во-первых, никто не был вынужден жить вопреки своим убеждениям под угрозой неблагоприятных последствий, а во-вторых, уменьшился конфликтный потенциал межрелигиозных отношений. Тем самым принцип светского государства был призван внести и внёс значительный вклад в обеспечение и развитие как свободы личности³, так и социальной стабильности и безопасности населения поликонфессиональных государств.

Мировая практика выработала целый ряд механизмов реализации данной сущности светского государства⁴. Прежде всего это организационное и функциональное разграничение институтов государства и церкви при недопустимости их вмешательства в дела друг друга. Такое разграничение представляет собой исторически первую попытку противо-

действия злоупотреблению властью и разделению властей⁵. Важной гарантией светского характера государства выступает принцип недопустимости любой дискриминации по мотивам религиозных убеждений, в частности уголовного преследования, принятия решений о приёме на работу и продвигании по службе в зависимости от веры и т. п.

Идеи светского государства получили отражение уже в первых конституциях. Правда, непосредственного вербального провозглашения принцип светского государства в конституциях первой волны не нашёл. Он выражался в них косвенно: главным образом через регламентацию прав человека. Очевидно, по-другому и быть не могло: ведь идея свободы личности выросла именно из продвижения в период Реформации идеи религиозной свободы⁶. Утвердившись, последняя постепенно была распространена на иные сферы жизни. «Религиозная свобода... была родоначальницей всех “естественных” прав, — писал С. А. Котляревский, — признание одной формы свободы не могло не сопровождаться распространением её и на другие человеческие отношения: логика свободы... неумолима»⁷.

Именно поэтому свобода вероисповедания стала занимать видное место в первых конституциях. Например, с неё в Билле о правах Конституции США 1787 года начинается перечень конституционных прав и свобод. «Конгресс не должен издавать законов, устанавливающих какую-либо религию или запрещающих её свободное исповедание», — гласит Первая поправка к американской Конституции. В первоначальном тексте Конституции также имеется положение, содержащее очень важную гарантию светского государства и вместе с тем равноправия граждан: «Никогда не будет требоваться принадлежность к какой-либо религии в качестве условия для занятия какой-либо должности или

⁵ См.: Локк Дж. Послание о веротерпимости // Локк Дж. Сочинения : в 3 т. Т. 3. М. : Мысль, 1988. С. 91–134.

⁶ См.: Кареев Н. Происхождение современного народно-правового государства. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. С. 32; Еллинек Г. Декларация прав человека и гражданина. Одесса : Юридическая литература, 2006. С. 48–50, 60.

⁷ Котляревский С. А. Конституционное государство. Юридические предпосылки русских основных законов. М. : Зерцало, 2004. С. 69.

² См.: Доминго Р. Право на религиозную и нравственную свободу? // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 3(106). С. 11–29, 15.

³ См.: Токвиль А. де. Демократия в Америке. М. : Весь мир, 2000. С. 220.

⁴ См.: Тейлор Ч. Что такое светскость? // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 1(33). С. 218–253, 225–228.

исполнения какой-либо публичной обязанности в Соединённых Штатах» (ст. VI).

Правовые нормы, прямо провозглашающие отделение церкви от государства, стали появляться лишь в XX веке. Чрезвычайно важным шагом на пути укрепления светского государства стало принятие французского закона о разделении церкви и государства от 9 декабря 1905 года (*Loi du 9 décembre 1905 concernant la séparation des Eglises et de l'État*).

Весьма обстоятельно регламентировала гарантии свободы вероисповедания и светские начала государства Веймарская конституция Германии 1919 года. Регулированию данной проблематики посвящено пять её статей (136–141), причём весьма объёмных. Они в соответствии со статьёй 140 Основного закона ФРГ сохраняют своё действие и в настоящее время.

В России идеи светского государства впервые получили отражение в Декрете Совета Народных Комиссаров от 23 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»⁸.

Светский характер государства как одна из конституционных ценностей сохраняет свою значимость и сегодня. Светскость государства признаётся в современном мире таким же неотъемлемым атрибутом справедливого устройства общества и государства, как и демократический, правовой и социальный характер последнего. Именно поэтому данный принцип или главные (отдельные) элементы его содержания так или иначе получают отражение в большинстве действующих конституций.

Например, весьма всесторонне принцип светского государства раскрывает Конституция Италии 1947 года, которая устанавливает, что «государство и католическая церковь независимы и суверенны в принадлежащей каждому из них сфере... Все религиозные исповедания в равной мере свободны перед законом. Некатолические вероисповедания имеют право создавать свои организации согласно своим уставам, поскольку они не противоречат итальянскому правовому порядку. Их отношения с государством определяются законом на основе соглашений с органами,

представляющими эти вероисповедания» (ст. 7, 8).

Термин «светское государство» впервые официально употреблён, пожалуй, в Конституции Франции 1958 года: в её первой статье (а до 1995 года — в статье 2). Франция характеризуется как неделимая, светская, демократическая и социальная республика. Целый ряд государств, в том числе Россия (ст. 14 Конституции РФ 1993 года), воспользовались в своих конституциях термином «светское государство». Однако большинство других стран до сих пор закрепляют суть данного принципа, не обращаясь к его терминологическому обозначению. Так, статья 29 Конституции Румынии 1991 года гласит: «Религиозные культы автономны по отношению к государству».

Получает отражение принцип светского государства и в судебной практике. В США его квинтэссенцией считается принцип религиозной нейтральности государства, который, как сформулировал Верховный суд США в решении по делу *Лемон против Куртман* 1971 года, имеет три составляющих: правовые акты и действия государства и его органов должны иметь светский характер; они не должны ни давать преимущества религии, ни препятствовать её осуществлению; недопустимо «чрезмерное вовлечение» государства в религиозные вопросы⁹.

2. Клерикализация современных государств: основные аспекты и их юридическое отражение

Следует, однако, признать, что юридическое и фактическое воплощение в жизнь принципа светского государства как государства, равноудалённого от всех религий и религиозно нейтрального, не стало полным, последовательным и логически завершённым (данная незавершённость отражается в приведённой формулировке Верховного суда США: она не допускает лишь *чрезмерность*¹⁰).

⁹ См.: *Lemon v. Kurtzman*. 403 U.S. 602 (1971). URL: <https://www.supremecourt.gov/Search.aspx?FileName=/docketfiles/14-556.htm> (дата обращения: 10.08.2016).

¹⁰ См.: *Николаев Б.В.* Верховный суд, религия и образование в США // Государство и право. 2013. № 2. С. 96–103, 99.

⁸ Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 18. Ст. 263.

С одной стороны, несомненным достижением конституционализма на пути реализации данного принципа следует считать то, что в историю ушли теократические государства — государства, в которых религиозная власть является одновременно государственной¹¹, признаётся законной только одна религия и запрещаются все прочие, основные сферы жизнедеятельности регулируются нормами религии, государство преследует цель реализации религиозных предписаний и на её достижение, то есть на распространение и охрану норм, считающихся божественными, ориентирована работа государственного механизма¹². Единственным примером теократического государства в чистом виде является сегодня Ватикан. Основным закон Ватикана 2001 года гласит: «Верховный Понтифик, Владыка Государства Города Ватикана, обладает всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти» (ст. 1).

С другой стороны, в современном мире есть немало клерикальных государств, занимающих промежуточное положение между светскими и теократическими государствами. Структурно не совпадая с религиозными институтами, они тем не менее явно отдают предпочтение одной религии (реже — нескольким); там существуют юридические предпосылки и реальные практики взаимного влияния государства и религиозной организации (организаций). В частности, представители этой основной религии и религиозные институты оказывают воздействие на политический курс государства¹³. Иными словами, институты клерикального государства обладают значительной организационной и функциональной автономией по отношению к церкви, в нём, как правило, провозглашается свобода совести, но оно способствует поддержанию и распространению влияния того или иного религиозного верования (реже нескольких верований или религиозности населения вообще¹⁴) на своей территории, в том числе до-

пуская религиозную организацию (организации) к участию в осуществлении политической власти или оказанию воздействия на неё, то есть религиозные институты, не принимая непосредственно и по собственному праву юридически обязательных решений, опосредованно влияют на политический курс государства и осуществляют ряд делегированных им государством публичных функций.

Такие государства сегодня достаточно многочисленны, наблюдается даже тенденция к некоторому усилению клерикализации, на что первым обратил внимание в 1977 году известный современный социолог, профессор Гарвардского университета Д. Белл¹⁵. Действительно, большинство современных конституций¹⁶, актов текущего законодательства и (или) политическая практика содержат элементы государственного клерикализма. При этом даже в государствах, конституции которых наиболее обстоятельно и (или) последовательно провозглашают принцип светского государства, имеются правовые нормы и (или) практические явления, свидетельствующие об особой роли того или иного верования и соответствующей религиозной организации. Так, несмотря на то что регламентация концепции светского государства действующей Конституцией Италии (ст. 8) оценивается некоторыми конституционалистами как образцовая¹⁷, в ней имеются положения, подчёркивающие особый статус католической церкви. «Государство и католическая церковь в своих соответствующих сферах независимы и суверенны. Их отношения регулируются Латеранскими пактами», — гласит статья 7 Конституции.

Элементы клерикализма проявляются в предоставлении государством религии и ре-

и поликлерикальные государства (см.: *Новиков М. В.* Клерикальное государство и церковь. Взаимоотношения церкви и государства в Израиле и в сопредельных странах : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 12).

¹⁵ См.: *Bell D.* The Return of the Sacred // *Bell D.* The Winding Passage: Essays and Sociological Journeys, 1960—1980. New York : Basic Books, 1980. P. 324—354.

¹⁶ См.: *Якунин В. И.* Государственная идеология и национальная идея // *Государство и право.* 2007. № 5. С. 5—12, 9.

¹⁷ См.: *Маклаков В. В.* Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Общая часть. 2-е изд. М. : Infotopic, 2012. С. 313.

¹¹ См.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть: Учеб. для вузов / отв. ред. Б. А. Страшун. 4-е изд. М. : Норма, 2005. С. 296.

¹² См.: *Салыгин Е. Н.* Теократическое государство. М. : Центр конституционных исследований МОНФ, 1999.

¹³ См.: Конституционное право: Словарь / отв. ред. В. В. Маклаков. М. : Юристъ, 2001. С. 201—202.

¹⁴ В научной литературе высказывается точка зрения о том, что существуют не только моноклерикальные, но

лигиозной организации (реже — религиям и их организациям) *идеологических, материальных, культурных, политических, юридических и административных предпочтений*. Различия в масштабах и комбинациях перечисленных предпочтений определяют степень клерикализации конкретных государств.

2.1. Идеологические религиозные предпочтения

В минимальной степени элементы клерикализма содержатся в общем упоминании о Боге и ответственности перед ним в государственных символах, в официальных процедурах и в законодательстве, в провозглашении какой-либо религии традиционной, господствующей, официальной или даже государственной, наконец, в существовании клерикальных партий. Все эти меры сами по себе имеют в основном идеологический, пропагандистский характер.

Можно привести весьма многочисленные примеры предоставления государствами *идеологических предпочтений* конкретной религии, нескольким религиям и их организациям или религиозности вообще. Так, в преамбулах ряда конституций говорится об осознании народом своей ответственности перед Богом при принятии соответствующих документов (действующие конституции ФРГ, Польши, Швейцарии и т. д.). Склонность к клерикализму греческого государства проявляется в том, что действующая Конституция 1975 года провозглашает господствующей религию восточно-православной церкви Христовой (ст. 3). Конституция Болгарии 1991 года устанавливает, что «традиционной религией в Республике Болгарии является восточно-православное вероисповедание» (ст. 13). Конституция Дании признаёт евангелическую лютеранскую церковь официальной церковью Дании, пользующейся поддержкой государства (ст. 4 Конституции 1953 года). Конституция Боливии 1967 года провозглашает, что государство признаёт и поддерживает римско-католическую апостолическую религию, гарантируя при этом право отправления любого иного религиозного культа (ст. 3). Многие конституции исламских стран в первых же статьях в качестве принципов или основ государства провозглашают официальной или чаще — государственной — религией ислам (ст. 2 Конституции Республики Ирак

2005 года, ст. 2 Конституции Республики Йемен 1991 года, ст. 1 Конституции Государства Катар 2003 года и т. д.).

Примеры пропаганды религии можно встретить и в текущем законодательстве, а также в политической практике некоторых стран. Например, преамбула отечественного Федерального закона от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» (*далее* — Закон о свободе совести)¹⁸ подчёркивает особую роль православия в истории России, её духовности и культуры. Государственным девизом США являются слова «Мы верим в Бога» (“In God We Trust”), а американские президенты, вступая в должность, произносят клятву, держа руку на Библии, и заканчивают её словами «Да поможет мне Бог». В конституциях ряда американских штатов установлен запрет атеистам занимать государственные должности (Миссисипи, Арканзас, Северная Каролина, Южная Каролина, Теннесси, Техас)¹⁹. В США и Соединённом Королевстве каждое пленарное заседание в палатах парламентов в соответствии с правилами палат начинается с молитвы, которую проводит протестантский священник.

Некоторое (незначительное) усиление элементов клерикализма можно увидеть в том, что придание особого статуса той или иной религии (объявление в трудовом законодательстве религиозных праздников выходными или (и) нерабочими праздничными днями, добровольные молитвы в государственных учреждениях) влечёт минимум юридических последствий. Например, в христианских странах (где христиане составляют большинство населения) общим выходным днём является воскресенье, в исламских — пятница, в Израиле — суббота.

Многие государства признают некоторые религиозные праздники. Соответствующие положения в ряде стран закреплены на конституционном уровне. Например, согласно

¹⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465; 2002. № 12. Ст. 1093; 2003. № 50. Ст. 4855; 2004. № 27. Ст. 2711; 2008. № 30. Ст. 3616; 2011. № 27. Ст. 3880; 2013. № 27. Ст. 3472.

¹⁹ См.: *Понкин И. В.* Права и свободы в контексте общественной нравственности и светскости государства // Теория и практика российского конституционализма. М.: Издательский центр Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2013. С. 161–162.

статье 139 Конституции Германского государства (Веймарской конституции) 1919 года, «воскресенье и признанные государством праздники находятся под охраной закона как дни отдыха от работы и духовного подъёма». В Российской Федерации одним из нерабочих праздничных дней, установленных Трудовым кодексом РФ, является 7 января — Рождество Христово (ст. 112). Закон о свободе совести разрешает органам государственной власти в Российской Федерации по просьбам религиозных организаций объявлять религиозные праздники нерабочими (праздничными) днями на соответствующих территориях (ст. 4.7).

Как видно, эти меры являются исключительно или преимущественно средствами пропаганды религиозных взглядов, которых придерживается большинство населения. По сути, это элемент пропаганды своей национальной культуры.

Впрочем, правовые последствия провозглашения той или иной религии в качестве государственной могут быть и весьма значительными. Например, статья 2 Конституции Федеративной Республики Сомали 2012 года, объявляя ислам государственной религией, устанавливает запрет на распространение в стране какой бы то ни было другой религии. Придание религии статуса государственной в ряде стран (по большей части — исламских) обуславливает также предоставление религии и церкви иных видов преференций: признание религиозных источников права, учреждение религиозных судов, требования об определённом вероисповедании обладателей тех или иных позиций в государственном механизме, наделение религиозных организаций некоторыми публичными функциями.

Проблема идеологических преференций, оказываемых государством религии (религиям или религиозности), затрагивает также вопрос о юридической допустимости свободы критики религиозных взглядов или действий религиозных организаций. Законодательство ряда исламских государств, ограничивая такую свободу, устанавливает юридическую ответственность (как правило, уголовную) за высказывания и действия, направленные против религиозных постулатов. Например, принятый в 1978 году в ОАЭ закон о преступлениях, затрагивающих ислам, предусматривает уголовную ответственность за посягательство

на учение ислама и за миссионерскую деятельность с целью распространения иных религиозных убеждений. В Пакистане ответственность за богохульство предусмотрена Уголовным кодексом. Закон о печатных изданиях и распространении информации Кувейта 2006 года запрещает публикацию материалов, посягающих на деяния и атрибуты Аллаха, затрагивающих честь признаваемых исламом пророков, а также представляющих положения ислама в негативном свете²⁰. В России Федеральным законом от 29 июня 2013 года № 136-ФЗ²¹ (его ещё называют «закон о защите религиозных чувств верующих») внесены поправки в Уголовный кодекс, устанавливающие уголовную ответственность за публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершённые в целях оскорбления религиозных чувств верующих. Карается данное преступление весьма строго: за его совершение в местах, предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний, максимальное наказание составляет до трёх лет лишения свободы с ограничением свободы на срок до одного года (ч. 1, 2 ст. 148 УК РФ).

По нашему мнению, вопрос о допустимости и пределах критики религиозных учений и убеждений должен решаться с общих позиций законодательства, регулирующего различные виды правонарушений, с учётом прав на свободу высказываний и защиту чести и достоинства. Иными словами, принятию особых правовых норм об ответственности за оскорбление религиозных чувств населения в правовом государстве недопустимо. На данное обстоятельство обращалось внимание в российской юридической литературе. Так, профессор О. В. Мартышин оценивает упомянутый закон о защите религиозных чувств верующих как одно из средств необоснованного

²⁰ См.: Сюкияйнен Л. Р. Ислам о преступлении и наказании // Мировые религии о преступлении и наказании. М.: Рипол Классик, 2013. С. 411–524.

²¹ Федеральный закон от 29 июня 2013 года № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 26. Ст. 3209.

установления привилегированного положения «традиционных» религий²².

Весьма убедительной по данному вопросу выглядит позиция Сообщества протестантских церквей Европы, выраженная им в специальном заявлении по поводу скандала, связанного с публикацией в 2005 году в одной из датских газет карикатур на пророка Мухаммеда²³. В заявлении было отмечено, что хотя чувства мусульман были, безусловно, грубо задеты указанными публикациями, и это заслуживает морального осуждения, тем не менее свобода вероисповедания включает в себя не только свободу выбора религии и отправления религиозных обрядов, но и свободу критики религии: религия, стремящаяся оградить себя от критики, является тоталитарной. Если же кто-либо из верующих полагает, что его фундаментальное право нарушено, он в общем порядке может обратиться в суд и использовать иные общие средства защиты нарушенного права, которых в правовой системе страны должно быть вполне достаточно для защиты прав человека и гражданина в любой сфере, в том числе в религиозной. Государство же в данной очень деликатной сфере должно дипломатично и осторожно предпринимать усилия по воспитанию у представителей различных конфессий и атеистов взаимной толерантности.

Представляется, что данная мера вмешательства государства в регулирование религиозных отношений вполне соблюдена в Уголовном кодексе ФРГ. В нём признаётся преступлением оскорбление вероисповеданий, религиозных обществ и мировоззренческих объединений и указывается обязательный признак объективной стороны данного деяния: нарушение общественного спокойствия (§ 166). В отличие от российского Уголовного кодекса УК ФРГ для квалификации деяния как преступления не полагает достаточным само по себе оскорбление религиозных чувств верующих — такое оскорбление должно вызвать нарушение общественного спокойствия. Включение в УК ФРГ нормы, предусмат-

ривающей частный случай деяний, вызывающих общественные беспорядки, объясняется высокой степенью вероятности возникновения таких беспорядков вследствие оскорбления религиозных чувств, весьма сильных, уязвимых и значимых для верующих. В связи с этим данную норму, скорее, следует считать оправданной и не нарушающей принцип светского государства, поскольку её главная цель заключается в обеспечении общественного спокойствия как вполне нейтральной с религиозной точки зрения ценности.

2.2. Материальные предпочтения религиозным организациям

Материальные предпочтения религиозным организациям предполагают их финансовую поддержку, предоставляемую государством. В некоторых странах она закреплена на конституционном уровне. Так, статья 138 Веймарской конституции устанавливает, что община начала государственной поддержки религиозных обществ определяются законом Империи (в настоящее время — федеральным законом). Формы поддержания в разных странах свои: это освобождение религиозных организаций от уплаты налогов, установление специального обязательного или добровольного церковного налога, прямое финансирование церкви государством.

Во многих странах зарегистрированные государством религиозные организации приравниваются к благотворительным организациям и налогов не платят (США, Франция, Германия, Италия и др.). Имеют налоговые льготы религиозные организации и в Российской Федерации. В соответствии с Налоговым кодексом РФ они освобождены от уплаты некоторых видов налогов: земельного налога на земельные участки со зданиями религиозного и благотворительного назначения (п. 4 ст. 395); налога на имущество, используемого для религиозной деятельности (п. 2 ст. 381); налога на прибыль от доходов, полученных в связи с совершением религиозных обрядов и церемоний и от реализации религиозной литературы и предметов религиозного назначения (подп. 27 п. 1 ст. 251). Никаких иных форм финансовой помощи государства религиозным объединениям, в том числе Русской православной церкви, законодательством нашей страны не предусмотрено.

²² См.: Мартышин О.В. Закон о защите чувств верующих в историко-правовом контексте (Статья вторая) // Государство и право. 2016. № 2. С. 22–31.

²³ См.: Шайо А. К понятию конституционного секуляризма // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 2 (69). С. 132–152, 135.

В целом же ряде зарубежных стран религиозные объединения сами (или чаще государство) взимают налоги с граждан на их содержание. Модели налогообложения на содержание религиозных организаций весьма разнообразны. Как правило, налоги носят добровольно-обязательный характер (то есть за их неуплату юридических санкций не существует, но членство в приходе прекращается). В Исландии, Иране, Ираке, Пакистане, Саудовской Аравии такой налог общеобязателен и уплачиваются в региональный или местный бюджет (в Швеции, Исландии церковный налог общенациональный). При этом в некоторых странах они взимаются только в пользу одной — доминирующей в государстве — религии (Дания, Австрия, Исландия, Ирландия, исламские страны), в других странах — также на содержание и иных религиозных организаций (ФРГ, Финляндия, Швеция, Италия, Испания, Швейцария)²⁴. В ФРГ основы налогообложения в пользу религиозных организаций регламентируются на конституционном уровне. Согласно положениям статьи 137 Веймарской конституции, религиозные общины, являющиеся корпорациями публичного права, вправе на основании гражданских реестров налогоплательщиков взимать налоги со своих прихожан. Организацией сбора налогов занимаются финансовые управления земель. Размер церковных налогов составляет от восьми до девяти процентов от суммы подоходного налога гражданина — члена соответствующей общины. Чтобы не платить церковный налог, нужно в форме, заполняемой при приёме на работу, не указывать вероисповедание. А чтобы перестать платить, нужно написать заявление о выходе из числа членов церкви. Но это лишает человека права участвовать в таинствах. Согласно принятому в 2012 году постановлению Конференции немецких епископов, неплательщики налога больше не считаются католиками, им отказывается в причастии и погребении по религиозному обряду²⁵.

В ряде стран (например, в Хорватии, Бельгии, Греции, исламских странах) существ-

ует прямое финансирование религиозных организаций из государственного бюджета. Прямое финансирование зарегистрированных религиозных объединений принято также в Греции. При этом наибольшие преимущества имеет восточно-православная церковь Христова: православные священники состоят на государственной службе и получают зарплату. Государство оплачивает церковные мероприятия, содержит храмы, за свой счёт обучает новых священников. Во Франции в соответствии с Законом об отделении церкви от государства 1905 года государство не может оплачивать труд лиц, работающих в церквях. Однако священнослужители получают государственные пенсии. Кроме того, государство оплачивает труд духовенства в больницах, армии, тюрьмах, при проведении государственных праздников, а также учителей, работающих в конфессиональных школах²⁶. Прямое финансирование католической церкви существует в Польше. Однако в настоящее время рассматривается вопрос о его замене добровольным церковным налогом, который будет поступать различным религиозным организациям в зависимости от вероисповедания налогоплательщика. Соответствующий законопроект внесён в Сейм²⁷.

Разумеется, возникает вопрос, насколько участие государства в финансировании религиозных организаций отражает степень его клерикализма и, вообще, целесообразно ли такое участие. Однозначно ответить на данный вопрос не просто из-за разнообразия видов такого участия. Думается, что взимание государством добровольного налога в пользу религиозных организаций, причём в соответствии с волеизъявлением лиц, желающих своим налогом поддержать конкретную организацию, вполне оправданный лёгкий элемент клерикализма. Государство при такой системе фактически выступает лишь сборщиком налогов, оказывая религиозным объединениям чисто техническую помощь, проявляя с ними, то есть с определённой частью своего населения, на равных условиях определённую

²⁴ См.: Тульский М. Будут ли россияне платить церковный налог? // Независимая газета. 2001. 28 марта.

²⁵ См.: Gummer Ch. In Germany, Many Believers Balk at Tweak to Church Tax // The Wall Street Journal. 2014. 20 September.

²⁶ См.: Воробьев В. На какие средства должна жить Церковь? // Нескучный сад. 2012. № 3. С. 40–52. <http://www.docme.ru/doc/62076/neskuchnyj-sad-n3-mart-2012>

²⁷ См.: Бжезецкий А. Церковь и демократия в Польше // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2012. № 6(86). С. 79–89.

солидарность как с носителями культурных и моральных ценностей. Это освобождает религиозные объединения от выполнения несвойственных им коммерческих функций, предотвращает их злоупотребления и делает механизм их финансирования вполне прозрачным. Освобождение же религиозных организаций от уплаты налогов — при условии его распространения на все религиозные организации — вообще нельзя считать проявлением клерикализации государства, поскольку не только они, но и многие виды некоммерческих организаций имеют налоговые льготы. Установление налогов, как и налоговых льгот, в пользу лишь одной религиозной организации — более значительный признак государственного клерикализма. Ещё ярче выражен такой клерикализм при существовании прямого финансирования религиозных организаций из государственного бюджета.

2.3. Культурные предпочтения религиозным объединениям

Культурные предпочтения религиозным объединениям (объединению) охватывают в основном сферу образования в публичных школах и применяются в различной степени в целом ряде государств. Они тоже имеют весьма широкое распространение в современном мире. Так, в соответствии с Основным законом ФРГ религиозное обучение в публичных школах является обязательным предметом, за исключением светских школ. При этом оно ведётся в соответствии с принципами религиозных сообществ (ст. 7 (2)). В Греции православие является в публичных школах обязательным предметом, ученики, принадлежащие к иным конфессиям, по заявлению родителей от религиозного обучения освобождаются. В Италии, Испании религиозное обучение проводится в публичных школах факультативно по желанию учеников и родителей: изучение католицизма осуществляется за счёт государства, а изучение иных религиозных направлений оплачивается соответствующими религиозными организациями.

Как видно, положения законодательства этих стран явно рассчитаны на обеспечение предпочтений христианским религиозным организациям, которых в упомянутых странах большинство и которые во многом определяют сохранение культурной идентичности. Тем

не менее приведённые подходы предоставляют ученикам и их родителям в большей или меньшей степени возможность выбора. Поэтому в данном случае можно говорить о некоторой склонности к государственному клерикализму.

В Российской Федерации вопрос о религиозном обучении детей урегулирован более нейтрально по отношению к различным религиям: по письменной просьбе родителей или лиц, их заменяющих, и с согласия детей, обучающихся в государственных или муниципальных образовательных организациях, указанные образовательные организации на основании решения коллегиального органа управления образовательной организации по согласованию с учредителями могут предоставлять религиозной организации возможность обучать детей религии вне рамок образовательной программы. При этом религиозные организации вправе в соответствии со своими уставами и с законодательством Российской Федерации создавать образовательные организации (ст. 5 Закона о свободе совести).

В мусульманских странах изучение ислама в образовательных учреждениях обязательно. В некоторых из них данный подход получил конституционное оформление. Например, согласно статье 7 Конституции Королевства Бахрейн 2002 года, «закон регулирует религиозное и национальное обучение на различных стадиях и в различных формах образования». Разумеется, юридическая обязательность изучения ислама представляет собой значительно большее проявление государственного клерикализма, чем приведённые примеры из практики европейских стран.

К культурным предпочтениям, предоставляемым государством религиозным объединениям, примыкают созданные государством механизмы реализации свободы совести лицами, чей статус связан с жёсткой дисциплиной, некоторыми ограничениями личной свободы и опасностью психологических перегрузок. Речь идёт о военнослужащих и лицах, отбывающих наказание в виде ареста, лишения или ограничения свободы. В ФРГ соответствующие гарантии получили конституционное оформление: в соответствии со статьёй 141 Веймарской конституции, «поскольку в армии, в госпиталях, уголовно-исполнительных учреждениях и прочих публичных учрежде-

ниях существует потребность в богослужении и попечении о душе, религиозные общества должны допускаться к совершению религиозных действий, причём всякое принуждение должно быть устранено».

Поскольку специфические условия службы не дают военнослужащим возможности отправлять религиозные обряды вместе с гражданским населением, практически во всех странах введён институт военных священников (исключение составляли и составляют лишь социалистические страны)²⁸. В современной России возрождается его аналог²⁹. По поручению Президента РФ министром обороны РФ утверждены Положение по организации работы с верующими военнослужащими Вооружённых Сил Российской Федерации от 24 января 2010 года³⁰ и Положение о функциональных обязанностях помощников командиров частей по работе с верующими военнослужащими от 2 февраля 2010 года³¹. Неодинаковое количество верующих различных конфессий делает невозможным назначение их представителей в каждое воинское подразделение в качестве упомянутых должностных лиц. Это создаёт преимущества приверженцам наиболее распространённых в нашей стране религиозных верований. Действительно, к середине 2015 года из 420 штатных единиц помощников командиров было заполнено около 300, среди назначенных — православные священники (большинство), муллы и гражданские лица³².

Служат священники и в местах исполнения наказаний. Это закреплено в законодательстве Германии, Италии, Финляндии, Норвегии, Франции, Чехии, Эстонии и других стран. В России деятельность священнослу-

жителей при (в) местах исполнения наказания законодательством не предусмотрена. В соответствии со статьёй 14 Уголовно-исполнительного кодекса РФ к осуждённым к принудительным работам, аресту или лишению свободы по их просьбе приглашаются священнослужители, принадлежащие к зарегистрированным в установленном порядке религиозным объединениям, по выбору осуждённых. В учреждениях, исполняющих наказания, осуждённым разрешается совершение религиозных обрядов, пользование предметами культа и религиозной литературой. В этих целях администрация указанных учреждений выделяет соответствующие помещения. Тяжелобольным осуждённым по их просьбе обеспечивается возможность совершить все необходимые религиозные обряды с приглашением священнослужителей. МВД России и его региональные органы заключили ряд соглашений с религиозными организациями и их территориальными отделениями, в соответствии с которыми в местах лишения свободы совершается служение священнослужителей различных конфессий³³. В настоящее время по инициативе Русской православной церкви в Министерстве юстиции РФ обсуждается вопрос об учреждении института тюремных капелланов, которые могли бы осуществлять служение в местах исполнения наказаний на постоянной основе (вопрос был поднят в связи с возрождением военного духовенства в Вооружённых Силах России). Федеральная служба исполнения наказаний совместно с РПЦ проводит эксперимент по тюремному служению в четырёх субъектах Федерации³⁴.

2.4. Политические предпочтения религии и церкви

Политические предпочтения религии и церкви выражаются в особых требованиях к ли-

²⁸ См.: Рыжов Л. Г. Опыт подготовки военных священников в армиях зарубежных государств. URL: <http://www.kapellan.biz/content/view/5949> (дата обращения: 11.10.2016).

²⁹ Подробнее см.: Мартышин О. В. Государство и религия в постсоветской России (Статья вторая) // Государство и право. 2015. № 8. С. 13–22, 14–16.

³⁰ URL: http://stat.doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=10339831@egNPA (дата обращения: 11.10.2016).

³¹ См. об этом: URL: http://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=11481165@cmsArticle (дата обращения: 11.10.2016).

³² См.: Привалов С. В российской армии растёт потребность в священниках. URL: <http://tsargrad.tv/article/2016/02/23> (дата обращения: 19.08.2016).

³³ См.: Скоморох О. Пастырское служение в тюрьме в настоящее время: Курсовая работа выпускника СПб Духовной Академии 1998 г. URL: <http://klikovo.ru/books/46684/46692.html> (дата обращения: 11.10.2016).

³⁴ См.: Куликов В. Глава тюремного ведомства — о проекте воспитательных центров для осуждённых подростков // Российская газета. 2010. 26 августа. URL: <https://rg.ru/2010/08/26/reimer.html> (дата обращения: 11.10.2016).

цам, занимающим те или иные позиции в государственном механизме (то есть в соответствующих государствах существуют органы, образуемые полностью или частично на религиозной основе), в признании за некоторыми государственными институтами статуса религиозных, что, несомненно, повышает значимость как государственных, так и религиозных институтов, в установлении квот представительств религиозных групп (как правило, относящихся к религиозным меньшинствам). Например, монарх Соединённого Королевства является не только главой государства, но и главой англиканской церкви Англии, а при пересечении границы Шотландии — также главой её пресвитерианской церкви. Членами палаты лордов — верхней палаты британского парламента — до сих пор остаются 26 высших духовных иерархов англиканской церкви (два архиепископа и 24 епископа, пребывающие в сане наиболее длительное время). Монарх Дании должен быть членом евангелической лютеранской церкви (ст. 6 Конституции Дании).

Но особенно распространены подобные требования в исламских странах. Так, одним из условий выдвижения лица кандидатом в президенты Йемена является осуществление им исламских обязанностей (ст. 106 Конституции), а в депутаты парламента — выполнение религиозных обязанностей (ст. 64). В соответствии со статьёй 3 Конституции Сирийской Арабской Республики «ислам должен быть религией Президента Республики». Косвенно предполагается исламское вероисповедание и депутатов парламента, которые перед началом полномочий приносят клятву «Всемогущим Аллахом» (ст. 7, 67 Конституции). Мусульманином должен быть также Президент Исламской Республики Афганистан (ст. 62 Конституции), Исламской Республики Пакистан (ч. 2 ст. 41 Конституции). Для депутатов парламента данных стран мусульманское вероисповедание формально не обязательно. Более того, в нижней палате Национального собрания (нижней палаты пакистанского парламента), согласно Конституции, 10 мест резервируется для немусульман (ст. 51 Конституции Пакистана). Резервирование мест для религиозных меньшинств в парламенте предусмотрено и Конституцией Ирана: зороастрийцы, иудеи и армяне-христиане выбирают по одному депутату, асси-

рийцы и халдеи вместе выбирают одного депутата (ст. 64 Конституции Ирана).

2.5. Юридические преференции в религиозной сфере

Юридические преференции в религиозной сфере означают признание религиозных источников права и религиозных судов. В качестве религиозных источников права признаёт в настоящее время нормы шариата большинство мусульманских государств, в том числе новейших. Например, статья 2 Конституции Республики Ирак провозглашает ислам не только официальной религией, но и основным источником законодательства, устанавливая, что ни один закон не может быть принят, если он противоречит нормам ислама. В статье 3 Конституции Республики Йемен шариат объявляется источником всего законодательства. Конституция Египта провозглашает ислам государственной религией, а шариат — основным источником права (ст. 2).

Во многих мусульманских странах действуют религиозные суды. Это, прежде всего, суды шариата, применяющие мусульманское право. Только такие религиозные суды существуют, например, в Саудовской Аравии. Однако, как правило, в настоящее время в исламских странах действуют не только шариатские суды, но и суды иных религиозных общин, притом что первые, разумеется, играют в механизме судебной власти государства значительно более важную роль. Например, в соответствии с Конституцией Иорданского Хашимитского Королевства в стране имеются как светские, так и религиозные суды. Последние же подразделяются на суды шариата и советы иных религиозных общин (ст. 99, 104–109). Аналогичный подход применяется в Сирии. В соответствии с Законом о судебной власти 1961 года в Сирии функционируют суды по вопросам личного статуса, в юрисдикцию которых входят вопросы брака и семьи, наследования, опеки, правоспособности и т.п. Данные суды подразделяются, в свою очередь, на шариатские суды (для мусульман), суды для друзей и суды для представителей немусульманских общин — католиков, протестантов, православных, иудеев. В своей деятельности эти суды применяют правила, изложенные в священных писаниях. Закон, однако, предусматривает некоторый

приоритет норм шариата, например: мусульманские нормы о наследовании распространяются в данной стране в императивном порядке и на христиан, а при вступлении мусульманина в брак с христианкой применяется мусульманское религиозное право (браки мусульманок с христианами в Сирии не разрешаются). Если в брак вступают представители разных христианских общин, применяется право той церкви, где проходило венчание³⁵.

2.6. Административные преференции государства религиозным объединениям

Административные преференции государства религиозным объединениям могут выражаться, во-первых, в уступке государством части своих функций и полномочий религиозным организациям или их представителям. Прежде всего, это наделение религиозных организаций правом регистрации актов гражданского состояния. Такое право имеют религиозные организации в Соединённом Королевстве, Италии, Испании, ряде государств Латинской и Южной Америки (на альтернативной основе с государством), в исламских странах. Во-вторых, такого рода преференции проявляются в правовой регламентации конкретных вопросов устройства и деятельности религиозных объединений. Например, тексты молитв англиканской церкви утверждаются британским парламентом. Статья третья Конституции Греции определяет основы организации восточно-православной церкви Христовой.

Регламентация деятельности религиозных институтов правовыми нормами свидетельствует о признании их высокого статуса и обеспечивает их государственными гарантиями. Законодательство Российской Федерации никаких административных преференций религиозным объединениям не предоставляет. Наоборот, в качестве гарантий светского характера государства Закон о свободе совести устанавливает, что свою внутреннюю структуру религиозные объединения регулируют самостоятельно и никаких функций органов

государственной власти, других государственных органов, государственных учреждений и органов местного самоуправления они выполнять не могут (ст. 4).

3. Степень клерикализации современных государств

Проведённое исследование элементов клерикализма современных государств даёт основание полагать, что так или иначе они присутствуют в огромном большинстве из них (исключение составляют разве что атеистические социалистические страны). При этом степень клерикализации различных государств далеко не одинакова. Как правило, христианские государства ограничиваются идеологическими, редко — материальными и культурными, ещё реже — незначительными административными преференциями в отношении тех или иных ветвей христианства, и только некоторые монархии предоставляют им ряд политических преференций.

Представляется, что если государство использует лишь идеологические меры, пропагандирующие религиозные взгляды, и эта деятельность не имеет никаких юридических последствий (то есть не влечёт возникновения никаких иных из перечисленных элементов клерикализма), или же эти последствия незначительны (финансирование всех действующих в стране религиозных организаций или нескольких наиболее влиятельных из них, молитвы в государственных органах, официальное признание религиозных праздников и конфессиональных партий и т. п.), то его уместно характеризовать как тяготеющее к светской модели, но имеющее элементы клерикализма. К числу таких государств относятся в настоящее время США, Франция, Италия, ФРГ, Голландия, Бельгия, Россия, скандинавские государства и т. п. Впрочем, и среди этих стран различия в исследуемой сфере имеются. Например, как отмечают исследователи, для Германии не характерно столь жёсткое размежевание церкви и государства, как для Франции³⁶. Немецкая модель отно-

³⁵ См.: Новиков М. В. Сирийская модель клерикализма: историческая эволюция и отражение в Конституции 2012 г. // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 8. С. 74–80, 77.

³⁶ См.: Гертнер И. Преобразования в ходе развития отношений между государством и церковью в Германии // Вторая неделя немецкого права с участием юридического факультета Потсдамского университета / отв. ред. В. И. Фадеев, Д. В. Беллинг. М.: Издательский

шения государства к религии характеризуется в научной литературе как либеральная — в отличие от жёсткой французской³⁷.

Если идеологические меры поддержки религий дополняются материальными, организационными и политическими мерами, притом оказывается предпочтение одной религии и церкви, то такие государства являются тяготеющими к клерикальной модели, то есть имеют минимальную степень клерикализма (мягкая, облегчённая версия клерикализма, второй переходный тип взаимоотношений государства и религиозных объединений). Это Греция, Болгария, Дания, Австрия, Исландия, Ирландия, Соединённое Королевство, Польша и др.

В целом для большинства европейских и американских государств характерны либо светскость с отдельными элементами клерикализма, либо мягкая модель христианского клерикализма.

В отличие от христианских государств практически все признаки клерикального характера государства, включая юридические, причём подчас в весьма значительных масштабах, в настоящее время можно обнаружить в конституциях мусульманских государств³⁸, то есть таких, в которых большинство населения исповедует ислам; а также в Израиле. Представляется, что все эти государства можно разделить на классические клерикальные и клерикальные, тяготеющие к теократическим. Классические клерикальные государства содержат все вышеперечисленные признаки клерикализма, находясь под значительным влиянием ислама и обеспечивая его весьма значительный приоритет перед всеми остальными религиями, но вместе с тем политические институты в них напрямую не подчинены религиозным, а государство гарантирует свободу совести.

Большинство исламских стран, а также Израиль относятся к классической модели

клерикализма, что получает отражение в их конституциях. Так, например, Конституция Иордании провозглашает ислам государственной религией (ст. 2), согласно пункту «е» статьи 28 Конституции, трон Королевства может занимать только мусульманин, рождённый законной женой от родителей-мусульман; в судебной системе Иордании функционируют религиозные суды (п. 2 ст. 99), подразделяющиеся на суды шариата и советы иных (немусульманских) религиозных общин (ст. 104); судьи шариатских судов назначаются из числа *улемов* — мусульманских богословов; сферу исключительной компетенции религиозных судов составляют споры по вопросам личного статуса приверженцев соответствующих конфессий и режима их имущества, а также имущества религиозных общин (ст. 105, 109)³⁹.

Особняком среди клерикальных государств, в том числе исламских, стоят государства с очень высокой степенью клерикализма, близкие к теократической модели. Это Иран и Саудовская Аравия. В них есть государственные органы, существующие относительно автономно от религиозных институтов, но имеющие в качестве главной задачи практическое воплощение ценностей ислама, что подкреплено на конституционном уровне целым рядом механизмов. Иными словами, религиозные институты доминируют над политическими, подчиняя их себе. В таких условиях выбор иных религиозных взглядов, чем официальная идеология, является для человека существенным испытанием.

Так, действующая иранская Конституция 1979 года устанавливает официальное наименование государства — Исламская Республика Иран и объявляет, что формой правления данного государства является исламская республика (ст. 1), а официальной религией (ст. 12) — ислам джафаритского толка. В соответствии с её положениями высшую юридическую силу имеют ценности и нормы ислама, являющиеся основой всех законов и решений в области гражданского, уголовного, финансового, экономического, административного и иных отраслей права и имеющие

центр Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2013. С. 166–167.

³⁷ См.: *Мальманн М.* Пути к конституционному секуляризму — основы политико-правового понятия // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 2 (81). С. 14–22.

³⁸ См.: *Тибби Б.* Исламистская шариатизация политики и социума. Источник конфликта между цивилизациями? // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 6 (79). С. 37–57.

³⁹ См.: *Аль-Шабатат М. А.* Становление и развитие независимого государства Иордании в XX в. : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 56–57.

приоритет даже перед нормами Конституции (ст. 4).

Механизм государственного управления характеризуется Конституцией как исламское правление (преамбула), его важным элементом выступает правление Духовного лидера. Власть последнего объявляется абсолютной при подконтрольности ей всех трёх ветвей государственной власти и Президента (ст. 57). Духовный лидер назначается исламскими экспертами, процедуру избрания которых он сам же и утверждает (ст. 107, 108).

Как видно, на самом высоком уровне государственная власть принадлежит, по сути, лицу, выбранному на религиозной основе, прочие же государственные институты в Иране вторичны по отношению к религиозным, являясь средством воплощения в жизнь исламских ценностей. Подтверждают оценку Исламской Республики Иран как государства, близкого к теократическому, мнения экспертов о том, что ввиду явного примата в данной стране духовной власти над светской избрание в 2013 году Президентом страны умеренного политика Хасана Рухани «не является предвестником структурных изменений в политической системе и говорит о частичной смене политического курса в целях ослабления внешнего давления для снятия напряжения внутри страны»⁴⁰.

Иную модель, близкую к теократической, представляет собой Саудовская Аравия. В соответствии с Основным законом о власти Королевства Саудовская Аравия 1992 года его конституцией являются Коран и Сунна, а государственной религией — ислам (ст. 1). Вся власть и управление в стране должны быть основаны на Коране и Сунне (ст. 7), целью государства провозглашается защита исламской веры, а его обязанностью — распространение ислама (ст. 23). Ислам объявляется и главной ценностью, на которой базируются саудовское общество, государство и семья (ст. 9, 10, 11). Король, являющийся «высшей инстанцией всех видов власти» (ст. 44), проводит национальную политику в соответствии с нормами ислама и применением исламского шариата (ст. 55). Все высшие должно-

стные лица и парламентарии при получении мандата приносят клятву на преданность религии (ст. 11 Положения об учреждении Меджлиса аль-Шуры Королевства Саудовская Аравия 1992 года, ст. 4 Положения о Совете министров Королевства Саудовская Аравия 1993 года). Суды осуществляют свои полномочия, руководствуясь исключительно шариатом (ст. 46, 48). Главная цель образования — привить подрастающему поколению исламскую веру (ст. 13). Права человека признаются только в соответствии с шариатом (ст. 26), при этом свобода совести среди них не упоминается, зато защита исламской веры объявляется долгом и обязанностью каждого подданного (ст. 34).

Как видно, механизм реализации исламских ценностей в Саудовской Аравии несколько иной, чем в Иране. Его важнейшими элементами выступают безальтернативный характер этих ценностей, а также признание монарха, обладающего, по сути, абсолютной властью, их главным проводником.

Вместе с тем и Иран, и Саудовская Аравия представляют собой не чисто теократические, а именно близкие к теократической модели государства. В них государственные институты не слиты с религиозными. Действительно, в данных государствах присутствуют три ветви власти, организационно более или менее дистанцированные от церкви. В Иране, кроме того, — правда, в ограниченных масштабах — признаётся свобода вероисповедания: последователи целого ряда исламских течений, а также зороастрийцы, иудеи и христиане вправе осуществлять религиозные обряды и воспитание, устраивать гражданские дела согласно своим верованиям (ст. 12, 13). При этом «правительство... и мусульмане обязаны с добротой и исламской справедливостью обращаться с немусульманами и соблюдать их человеческие права. Этот принцип действует в отношении лиц, которые не выступают против ислама» (ст. 14 Конституции). Однако государство и его институты не имеют иного обоснования и смысла своего существования, кроме как религиозного, то есть созданы во имя торжества ценностей ислама. Соответственно, возможности для религиозного самоопределения личности минимальны.

Итак, принцип светского государства, как, впрочем, и другие классические принци-

⁴⁰ Свешникова Ю. Политико-правовой контекст президентских выборов 2013 года в Иране // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 2(99). С. 17–28, 17.

пы конституционализма, во всей полноте ни юридически, ни фактически не реализован. Идеала светского государства, характеризующегося его полной религиозной нейтральностью, добиться не удалось: элемент клерикализма в большей или меньшей степени существует в большинстве современных государств (за исключением атеистических социалистических). При этом, как правило, законодательство и государственные институты отдают предпочтение религии, традиционной для титульной нации, образовавшей соответствующее государство.

4. Причины и цели клерикализации современных государств

В современном мире принцип светского государства так и не стал реальностью. Причина этого видится в том, что в условиях сохранения высокой значимости религии для большей части населения (что в свою очередь вызвано комплексом причин, среди которых — нарастание неуверенности в завтрашнем дне в условиях ускорения темпа жизни общества постмодерна, увеличение потребности в присоединении в условиях роста сегментации данного общества⁴¹ и т. п.) механизмы, которыми располагает светское государство, часто оказываются недостаточными для обеспечения в обществе различных видов социальной солидарности, без чего соответствующей социальной системе угрожает распад. Данное обстоятельство используется и политической, и религиозной элитами не только для решения общесоциальных проблем, но и в своих собственных интересах. Именно поэтому элита нередко значимость религиозных чувств населения всячески поддерживает, а то и приумножает, во многом с использованием механизмов, имеющихся в распоряжении государства.

Можно перечислить более конкретные цели политической и религиозной элит, которые они преследуют, поддерживая или усиливая элементы государственного клерикализма. В разных странах и в разном сочетании они включают:

— стремление к ослаблению напряжённости между религиозными, национальными и иными социальными общностями, если использования механизмов принципа светского государства, то есть равноправия, невзирая на религиозные различия, для этого оказывается недостаточно. Именно потому, например, некоторые конституции мусульманских государств, несмотря на провозглашение ислама государственной религией, предусматривают квоты в парламентах для представителей иных религиозных общин (ст. 64 Конституции Ирана, ст. 51 Конституции Пакистана); в Израиле и ряде исламских стран существуют религиозные суды; используется духовенство в пенитенциарных учреждениях и в вооружённых силах, осуществляется обучение основам религии;

— поддержание и упрочение нравственных устоев общества. С этой целью преамбула польской Конституции упоминает об ответственности польской нации «перед Богом и собственной совестью», Основной низам о власти Саудовской Аравии в статьях 10–13 объявляет исламскую веру духовной основой семейных и иных моральных ценностей, патриотизма и самореализации; во всех странах одной из важнейших задач религиозного обучения в школах, а также деятельности военных и тюремных священников является духовно-нравственное воспитание;

— укрепление национально-государственного единства на основе общности государственной идеологии и культурной идентичности населения. Например, Конституция Ирака в статье 2 прямо заявляет о том, что она призвана гарантировать исламскую идентичность большинства иракского народа;

— усиление легитимности государственной власти за счёт её ассоциирования с религией большинства населения, опоры на религиозную идеологию и психологию населения и поддержки со стороны соответствующей религиозной организации. В этих целях (среди прочих) преамбулы конституций целого ряда стран содержат в качестве характеристики их легитимности слова: «осознавая свою ответственность перед Богом» (ФРГ), «под покровительством Бога» (Бразилия), «именем Бога, милостивого и справедливого» (Бахрейн), «во имя Бога, милостивого и справедливого» (Иран), «именем Всемогущего Аллаха» (Кувейт), «да дарует нам Всевыш-

⁴¹ См.: Эрвье-Леже Д. В поисках определённости: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 1 (33). С. 254–268.

ний и Всемиловейший Аллах успех» (ОАЭ) и т. п.;

– утверждение атмосферы социального оптимизма как результата действия компенсаторной функции религии, что способно укрепить стабильность и облегчить элите управление обществом.

Как правило, государство использует элементы клерикализма для решения не одной, а нескольких из перечисленных проблем.

5. Соотношение процессов клерикализации и секуляризации в современном мире

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что если примерно до 60-х годов XX века можно было однозначно говорить о доминировании в мире тенденции секуляризации (исключения были единичными, например образование государства Израиль, масштабы клерикализма которого, впрочем, трудно было предсказать заранее), то в последние десятилетия влияние религии на государство не уменьшается, наоборот, наблюдается нарастание клерикализации: в наибольшей степени – в исламских странах, в меньших масштабах – в христианских⁴². Иными словами, тенденция секуляризации не является линейной, а современные общества и государства некоторые учёные характеризуют как постсекулярные, имея в виду сохранение и даже повышение значимости религии в современном социуме⁴³.

Впрочем, тенденция секуляризации продолжает действовать. Она проявилась, например, в закреплении различных элементов светского характера государства во многих новейших конституциях или конституционных поправках. Например, в соответствии со статьёй 3 Конституции Сирии 2012 года государство должно уважать все религии и обеспечивать свободу исполнения всех ритуалов, не нарушающих общественный порядок; при этом защищается статус всех религиозных сообществ. Затронула конституционная секуляризация в Сирии и статус политических партий: одна из важнейших новелл Конституции заключается в закреплении многопартийно-

сти. При этом запрещается выполнение любой политической деятельности, формирование каких-либо политических партий или группировок на религиозной, племенной, этнической основе (ст. 8).

Отчасти затрагивает тенденция укрепления светского характера государства и «старые» демократии. Так, английский Акт о престолонаследии от 25 апреля 2013 года отменил установленный Актом об устроении 1700 года запрет на брак британского монарха с католиком.

И всё же более заметной в настоящее время является контртенденция клерикализации государств.

В начале XXI века наблюдается дальнейшая активизация ислама во всех сферах жизни целого ряда стран, включая правовую сферу. Например, в Турции запрет на ношение хиджаба был введён ещё Ататюрком. В 90-е годы антитеррористическое законодательство этой страны запретило появляться в общественных местах в одежде, подчёркивающей религиозную принадлежность (данные нормы, впрочем, были признаны Европейским Судом по правам человека не соответствующими статье 9 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод как непропорционально нарушающие свободу совести)⁴⁴. Одной же из самых резонансных реформ Р. Эрдогана стала отмена в конце 2012 года запрета ношения хиджабов в образовательных учреждениях⁴⁵. В результате событий «арабской весны» под лозунгами демократизации в некоторых государствах (в Египте, Сирии, Ливии и Йемене) усилились позиции радикальных исламистов.

В западных странах стремление к сохранению идентичности титульных наций проявилось на рубеже XX–XXI веков⁴⁶ в форме некоторого отторжения чужеродных ценностей,

⁴⁴ См.: *Ахмет Арслан и другие против Турции*. Постановление от 23 февраля 2010 года (Вторая секция) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 7. С. 21–22.

⁴⁵ См.: *Рух О.* Ислам и общество: последнее свидание или возвращение навсегда? // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 3(94). С. 23–33.

⁴⁶ Ранее законодательство Франции вопросы ношения религиозной атрибутики в общественных местах, в том числе в образовательных учреждениях, не регулировало, а судебная практика относилась к демонстрации такой атрибутики весьма лояльно. См.: *Гиряева В. Н.* Принципы свободы вероисповедания и отделения

⁴² См.: *Чернышева О. В.* Церковь и демократия: Опыт Швеции. М.: Наука, 1994. С. 5–7.

⁴³ См.: *Мальманн М.* Указ. соч. С. 19–20.

привносимых иммиграционной волной, нахлынувшей в последние десятилетия на западный мир из восточных стран. Такое отторжение выразилось, например, в установлении в ряде стран запретов на ношение религиозной атрибутики. Так, во Франции (в 2004 году) и в Бельгии (в 2010 году) были приняты законы, запрещающие «символы или одежду, очевидно демонстрирующие религиозную принадлежность», в образовательных учреждениях⁴⁷. Как видно, запрет коснулся и учениц, и учительниц. И хотя формально под него подпадают не только хиджабы, но и христианские кресты, а также иудейские кипы и пейсы, ясно, что направлен он был против именно исламской атрибутики, поскольку актуальной на время принятия законов была только данная проблема. В ФРГ в соответствии с решением Федерального конституционного суда, вынесенным в 2003 году, вопрос о разрешении или запрете религиозной атрибутики в образовательных учреждениях регулируется законодательством земель. В настоящее время в Берлине, Нижней Саксонии и Тюрингии учительницам разрешено работать в головных уборах, а в ряде других регионов страны мусульманская символика, равно, впрочем, как и всякая другая символика, будь то христианские кресты или иудейские кипы, запрещена (учениц данное законодательство не затрагивает, они свободны в выборе имиджа). В Швейцарии в результате референдума, проведённого 29 ноября 2009 года, запрещено возводить новые минареты⁴⁸.

В апреле 2011 года во Франции вступил в силу закон, «запрещающий скрывать лицо в общественных местах, за исключением мест

отправления соответствующих культов»⁴⁹. За нарушение запрета закон предусматривает штраф в 150 евро. По решению суда штраф может быть заменён или дополнен прослушиванием курса лекций о нормах гражданского поведения. Лицам, пытающимся с помощью угроз или запугивания заставить женщин носить одежду, скрывающую лицо, закон грозит лишением свободы до одного года и штрафом в 30 тысяч евро. Размер наказания увеличивается вдвое, если принуждаемая к ношению паранджи является несовершеннолетней. Запрет на ношение чадры, паранджи и хиджаба касается административных учреждений, транспорта, торговых, школьных и медицинских учреждений, почтовых отделений, пляжей, общественных парков, улиц городов и мест прогулок. Закон был принят 12 октября 2010 года после подтверждения конституционности его проекта Конституционным советом Франции⁵⁰. Летом нынешнего 2016 года решениями мэров 15 французских курортных городов Лазурного берега под угрозой штрафов было запрещено появление на пляжах в буркини — купальных костюмах, соответствующих требованиям шариата (данные запреты, впрочем, начиная с 26 августа 2016 года стали признаваться Государственным советом Франции противоречащими Конституции страны как нарушающие права человека). В этом же году в Швейцарии было отказано в приёме в гражданство двум ученицам швейцарских школ из-за непосещения ими предусмотренных школьной программой в качестве обязательных уроков плавания по причине религиозных убеждений⁵¹.

Следует отметить, что данная инициатива была поддержана рядом демократических государств по обе стороны океана. В Европе аналогичные законы были приняты в Бельгии, Голландии, отдельных кантонах Швейцарии. В сентябре 2013 года Верховный суд

церкви от государства в праве Франции // Правовые исследования во Франции: Сборник научных трудов / под ред. В. В. Маклакова. М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2007. С. 91–97.

⁴⁷ См.: Закон № 2004-228 от 15 марта 2004 года, регулирующий во исполнение принципа светскости ношение символов или одежды, демонстрирующих религиозную принадлежность, в публичных школах, колледжах и лицеях (La loi n° 2004-228 du 15 mars 2004 encadrant, en application du principe de laïcité, le port de signes ou de tenues manifestant une appartenance religieuse dans les écoles, collèges et lycées publics (1)). URL: <http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000022911670&categorieLien=id> (дата обращения: 29.08.2016).

⁴⁸ См.: URL: <http://www.sudd.ch/event.php?lang=de&id=ch062009> (дата обращения: 29.08.2016).

⁴⁹ La loi n° 2010-1192 du 11 octobre 2010 interdisant la dissimulation du visage dans l'espace public. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000022911670&categorieLien=id> (дата обращения: 29.08.2016).

⁵⁰ La décision du Conseil constitutionnel n°2010-613 DC du 7 octobre 2010. <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000022911681&categorieLien=id> (дата обращения: 29.08.2016).

⁵¹ См.: URL: <http://islamdag.ru/node/43173> (дата обращения: 29.08.2016).

Соединённого Королевства вынес решение, в соответствии с которым мусульманская женщина, являющаяся ответчиком в суде, должна открывать лицо при представлении доказательств. В Новом свете первопроходцем стала Канада. Первым шагом в данном направлении было принятие закона о запрете появления в мусульманских одеждах в пунктах голосования. Вскоре канадским парламентом был принят акт, запрещающий ношение мусульманских одежд государственными служащими. Наконец, с 2011 года в Канаде законодательно запрещено ношение мусульманского одеяния при прохождении официальной процедуры получения сертификата о натурализации⁵².

На первый взгляд, данные запреты выглядят как меры по укреплению светских начал государства. Однако они проводятся в христианских государствах, и это кардинальным образом отличает их от реформ Атанурка, имевших очевидный светский характер; они скорее представляют собой завуалированные и косвенно действующие механизмы сохранения христианских традиций в соответствующих европейских государствах, противодействующие завоеванию христианского пространства исламской атрибутикой. Данный вывод подтверждается тем, что в ряде европейских государств сдерживание роста влияния нехристианских религий сопровождается сохранением некоторых предпочтений христианству как религии, во многом сформировавшей европейскую культурную идентичность и способствующей её сохранению. Об этом свидетельствует, например, нелёгкая судьба дела *Лаутси против Италии*, рассмотренного Европейским Судом по правам человека, в результате чего Италия отстояла право размещать католическую символику в общеобразовательных государственных школах.

С данных позиций следует оценивать и приведённые выше элементы клерикализма Российского государства, которые стоит признать вполне обоснованными. Правда, при этом чрезвычайно важно, чтобы они не угрожали, во-первых, независимости церквей, в том числе РПЦ, от государства, а во-вторых,

религиозной толерантности государства (недостаток которой, безусловно, передаётся и обществу).

В целях решения первой из названных задач целесообразно сделать финансовую деятельность религиозных объединений, включая их имущественные взаимоотношения с Российским государством (а также с любыми иными субъектами), абсолютно прозрачной. В настоящее время такая прозрачность отсутствует, что, безусловно, создаёт угрозу попадания религиозных объединений, прежде всего РПЦ, в зависимость от политической элиты. Кроме того, когда население не понимает, на какие действительно средства существует РПЦ, существенно снижается уровень доверия к ней. Однако установление церковного налога в нашей стране представляется нецелесообразным. Он вряд ли будет позитивно воспринят общественным мнением, позитивно скажется на отношении населения к религиозным объединениям и будет исполняемым (это можно предположить, исходя из общей проблемы с уплатой налогов в нашей стране).

Недостаток же религиозной толерантности со стороны государства выражается, в частности, в ряде норм Закона о свободе совести, например в весьма существенных различиях статуса религиозных организаций и религиозных групп. Представляется, что такие различия являются чрезмерными, а потому дискриминационными по отношению к мелким и новым конфессиям. Эти различия следует, по меньшей мере, смягчить (например, сохранив лишь требование о ежегодной перерегистрации религиозных групп, но уравнив в правах «старые» и «новые» религиозные организации).

Содержит Закон о свободе совести и ещё ряд дискриминационных положений. Это, например, положения пункта 2 статьи 13 Закона, в соответствии с которыми «представительство иностранной религиозной организации не может заниматься культовой и иной деятельностью, и на него не распространяется статус религиозного объединения». Недостаток государственной религиозной толерантности проявляется также в положении преамбулы Закона о свободе совести о том, что Федеральное Собрание уважает только христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть

⁵² См.: Гулина О.Р. Миграционный профиль Французской Республики // Lex Russica: Научные труды Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина. 2012. № 6. С. 1281–1290, 1285.

исторического наследия народов России. Получается, что если религия не внесла вклад в историю и культурное наследие России (к примеру, индуизм), то уважением Федерального Собрания она не пользуется⁵³. Разумеется, Федеральное Собрание подаёт не очень хороший пример согражданам таким отношением к весьма почтенным религиозным воззрениям. Поэтому данное явно неудачное положение преамбулы следует скорректировать, указав, что уважением пользуются все религиозные верования, не противоречащие законодательству Российской Федерации. Наконец, совершенно неприемлемым для правового демократического государства является выделение в самостоятельный состав преступления (да и правонарушения вообще) такого деяния, как оскорбление религиозных чувств (его состав содержится ныне в УК РФ и КоАП РФ).

Итак, при сохранении значимости принципа светского государства как конституционной ценности в настоящее время в мире наблюдается тенденция некоторой клерикализации государств. Она объясняется целым рядом причин, действующих в постиндустриальном глобализирующемся обществе. Представляется, что незначительную степень клерикализма государств, ограничивающегося предоставлением некоторых идеологических и материальных преференций традиционной религии и соответствующему религиозному объединению (либо нескольким из них), в современных условиях можно считать оправданной (масштабы таких преференций, впрочем, тоже не следует преувеличивать, например провозглашать их без очевидных причин на конституционном уровне или делать церковный налог общеобязательным). С одной стороны, такая клерикализация способствует сохранению культурной идентичности (внутренней интеграции) соответствующей страны, угрозу которой создаёт бурно разворачивающаяся глобализация в её различных проявлениях. С другой стороны, незначительная степень клерикализма не содержит препятствий для внешней интеграции соответствующи-

щих государств и их населения⁵⁴. Высокая же степень клерикализма, характерная для ряда современных исламских государств (и повышающаяся в качестве ответной реакции в ряде христианских стран), способна породить агрессивность и ксенофобию и быть препятствием внешней интеграции населения, то есть органической солидарности, выступающей важным фактором мирного сосуществования и развития человечества.

Представляется, что клерикализация имеет временный характер как реакция на захлестнувшие мир процессы глобализации: адаптировавшись к новым условиям, культурные общности начнут новый виток отношений, основанный на диалоге и компромиссе, что должно выразиться, в частности, в религиозной толерантности и смягчении государственного клерикализма, то есть перемещении религиозных институтов из политической области в сферу гражданского общества. Взвешенное, деликатное, мудрое, терпеливое содействие развитию данной магистральной тенденции взаимоотношений государства и религиозных институтов — важная задача международного научного и юридического сообществ, политической и административной элит.

Библиографическое описание:

Алебастрова И. Процессы секуляризации и клерикализации в современном мире: поиски конституционного баланса // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 5 (114). С. 117–136.

The processes of secularization and clericalization in the modern world: seeking for a constitutional balance

Irina Alebastrova

Candidate of Sciences (Ph.D.) in Law, Associate Professor, National Research University – Higher School of Economics (e-mail: ialebastrova@mail.ru).

Abstract

The main idea of the article is that the secular state principle is just a general trend being neither realized in real life nor even fixed by law. Most of the modern states are, to different extent, priest-ridden ones. Above all, in the modern world there is a trend towards clericalism growth that is opposite to the development of the secular state principle. Indeed, most of the modern

⁵³ См.: Заключение Уполномоченного по правам человека о проверке соответствия Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» международно-правовым обязательствам Российской Федерации // Российская газета. 1999. 22 апреля.

⁵⁴ См.: *Deci E. L., Ryan R. M.* The “What” and “Why” of Goal Pursuits: Human Needs and the Self-Determination of Behavior // *Psychological Inquiry*. 2000. Vol. 11. No. 4. P. 227–268, 227, 235, 236.

states give ideological, financial, cultural, political, administrative and (or) legal preferences to some religion(s) or religious organization(s). The author analyzes each of those preferences and comes to the conclusion that their number and combination type determine a level of clericalism in each modern state in particular. There are being investigated processes, trends and reasons for secularization and increasing clericalism in modern states. There are a lot of reasons for clericalism growth in modern countries. In the author's opinion among main of them are the aims of political elite at defusing religious tension in the society in case if the mechanisms of secular state are not effective enough for that; its efforts to strengthen moral principles in the society; its attempts to ensure the legitimacy of government thanks to a church support; its willing to spread the atmosphere of social optimism as a result of compensative function of religion. The author positively evaluates the role of clericalism in its different aspects and in different countries as well as the perspectives of clericalism and secularism growth in the modern world.

Keywords

secular state; priest-ridden state; secularization and increase of clericalism in the modern states; constitutionalism; constitutional state; freedom of conscience; religious liberty.

Citation

Alebastrva I. (2016) Protsessy sekularizatsii i klerikalizatsii v sovremenom mire: poiski konstitutsionnogo balansa [The processes of secularization and clericalization in the modern world: seeking for a constitutional balance]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 5, pp. 117–136. (In Russian).

References

Bell D. (1980) *The Winding Passage: Essays and Sociological Journeys*, New York: Basic Books.

Chernysheva O. V. (1994) *Tserkov' i demokratiya: Opyt Shvetsii* [Church and Democracy: The Swedish Experience], Moscow: Nauka. (In Russian).

Deci E. L., Ryan R. M. (2000) The "What" and "Why" of Goal Pursuits: Human Needs and the Self-Determination of Behavior. *Psychological Inquiry*, vol. 11, no. 4, pp. 227–268.

Domingo R. (2015) Pravo na religioznuyu i npravstvennuyu svobodu [Right to Religious and Moral Freedom]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 3, pp. 11–21. (In Russian).

Ellinek G. (2006) *Declaratsiya prav cheloveka i grazhdanina* [Declaration of Rights of Man and the Citizen], Odessa: Yuridicheskaya Literatura. (In Russian).

Feldmen Y. (2011) The Complexity of Disentangling Intrinsic and Extrinsic Compliance Motivations: Theoretical and Empirical Insights from the Behavioral Analysis of Law. *Journal of Law and Policy*, vol. 35, no. 1, pp. 11–51.

Gulina O. R. (2012) Migratsionny profil' Frantsuzskoy Respubliki [Migrational Profile of the Republic of France]. *Lex Russica*, no. 6, pp. 1281–1290. (In Russian).

Gummer Ch. (2014) In Germany, Many Believers Balk at Tweak to Church Tax. *The Wall Street Journal*, 2 September.

Kareev N. (1908) *Proiskhozhdenie sovremennogo narodno-pravovogo gosudarstva* [Origin of Modern Democratic and Rule of Law State], Saint Petersburg: Tipografiya Stasulevicha. (In Russian).

Kotlyarevskiy S. A. (2006) *Konstitutsionnoe gosudarstvo* [Constitutional State], Moscow: Zertsalo.

Mahlmann M. (2011) Puti k konstitutsionnomu sekularizmu — osnovy politiko-pravovogo ponyatiya [The Ways to Constitutional Secularism — The Foundation of Political and Legal Definition]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 2, pp. 14–22. (In Russian).

Maklakov V. V. (2012) *Konstitutsionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnykh stran. Obshchaya chast'*: Uchebnik dlya vuzov [Constitutional (State) Law of Foreign Countries. General Part: Textbook for High School], Moscow: Infotropic. (In Russian).

Maklakov V. V. (ed.) (2001) *Konstitutsionnoe pravo: Slovar'* [Constitutional Law: Dictionary], Moscow: Yurist. (In Russian).

Martyshin O. V. (2015) Gosudarstvo i religiya v postsovetsoy Rossii [State and Religion in Postsoviet Russia]. *Gosudarstvo i pravo*, no. 8, pp. 13–22. (In Russian).

Nikolaev B. V. (2013) Verkhovnyy Sud, religiya i obrazovanie v SShA [The Supreme Court, Religion and Education in the USA]. *Gosudarstvo i pravo*, no. 2, pp. 80–101. (In Russian).

Novikov M. V. (2013) Siriyskaya model' klerikalizma: istoricheskaya evolyutsiya i otrazhenie v Konstitytsii 2012 g. [Syrian Model of Clericalism: Historical Evolution and Reflection thereof in the Constitution of 2012]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, no. 8, pp. 74–80.

Roy O. (2013) Islam i obshchestvo: poslednee svidanie ili vozvrasheniye navsegda? [Islam and Society: The Last Date or Return Forever?]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 3, pp. 23–33. (In Russian).

Salygin E. N. (1999) *Teokraticheskoe gosudarstvo* [Theocratic State], Moscow: Tsentr konstitutsionnykh issledovaniy. (In Russian).

Sajo A. (2009) K ponyatiyu konstitutsionnogo sekularizma [The Definition of Constitutional Secularism]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 2, pp. 129–140. (In Russian).

Strashun B. A. (ed.) (2005) *Konstitutsionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnykh stran. Obshchaya chast'*: Uchebnik dlya vuzov [Constitutional (State) Law of Foreign Countries. General Part: Textbook for High School], Moscow: Norma. (In Russian).

Sukiyaynen L. R. (2013) Islam o prestuplenii i nakazanii [Islam about Crime and Punishment]. In: *Mirovye religii o prestuplenii i nakazanii* [World Religious about Crime and Punishment], Moscow: Ripod Classic. (In Russian).

Sukiyaynen L. R. (2008) Sovremennyye kontseptsii prav cheloveka: sopostavleniye teologicheskogo i yuridicheskogo podkhodov [Modern Religious Concepts of Human Rights: Comparison of the Theological and Legal Approaches]. *Pravo*, no. 3, pp. 3–10. (In Russian).

Sveshnikova Yu. (2014) Politiko-pravovoy kontekst prezidentskikh vyborov 2013 goda v Irane [Political and Legal Context of the Presidential Elections 2013 in Iran]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 2, pp. 17–28. (In Russian).

Taylor Ch. (2015) Chto takoe svetskost'? [What is Secularism?] *State. Religion. Church*, no. 1, pp. 225–228. (In Russian).

Tokvil' A. de. (2000) *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America], Moscow: Ves' Mir. (In Russian).

Yakunin V. I. (2007) Gosudarstvennaya ideologiya i natsionalnaya ideya [State Ideology and National Idea]. *Gosudarstvo i pravo*, no. 5, pp. 3–15. (In Russian).